

18+

СЕРЖИО НИЧАЙ

ГИПНОЗ ПОД ТУЛЬСКИМ КОЛПАКОМ

КОГДА МЫСЛИ СТАНОВЯТСЯ
ОРУЖИЕМ

Сержио Ничай

**Гипноз под тульским колпаком.
Когда мысли становятся оружием**

«Издательские решения»

Ничай С.

Гипноз под тульским колпаком. Когда мысли становятся оружием /
С. Ничай — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-659769-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В
Москве 1908 года происходит серия странных ограблений, жертвами
которых становятся обеспеченные люди, отдающие деньги и драгоценности
по собственной воле. Расследование ведет следователь Пётр Климов,
столкнувшийся с загадочным гипнотизёром Колпаковым. Игра разума и
манипуляций, в которой победитель не всегда тот, кто контролирует события.
В повести переплетаются психология, преступление и философия свободы в
мире, где даже мысли можно украсть.

ISBN 978-5-00-659769-3

© Ничай С.

© Издательские решения

Содержание

Пролог – Чёрные глаза	6
Глава 1 – Добровольное ограбление	7
Глава 2 – Тень на сознании	9
ГИПНОТИЗЁР НА СЛУЖБЕ ТЬМЫ?	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Гипноз под тульским колпаком Когда мысли становятся оружием

Сержио Ничай

© Сержио Ничай, 2025

ISBN 978-5-0065-9769-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Гипноз под тульским колпаком»

Пролог – Чёрные глаза

Петербург. Февраль. Вечер. Грязный снег лежал вдоль булыжных мостовых, как простыня на трупе: серый, с пятнами сажи, прошитый следами копыт. Воздух пах углём и табачной гарью, а вдалеке – от Финляндского вокзала – доносился гул товарного поезда, будто кто-то стонал под землёй.

На Литейном, у углового трактира «Скорпион», появился купец Яков Платонович Плотников – человек в возрасте, упитанный, с обритым лицом и меховой шапкой, из тех, кто держит слово и счет. В одной руке он нёс кожаный портфель с бумагами и деньгами, в другой – зонт, на всякий случай: небо над городом всегда казалось готовым плюнуть дождём.

Он вышел из трактира, сделал пару шагов к извозчику – и вдруг остановился.

У стены стоял человек. Высокий, в чёрном пальто, с шарфом, плотно закрывавшим нижнюю часть лица. Шляпа опущена. Руки за спиной.

– Простите... – произнёс незнакомец тихо, почти ласково, – Вы ведь купец Плотников?

Тот кивнул, нахмурился, крепче сжал портфель.

– Да, а вы... кто, собственно?..

– Просто прохожий. Но я знаю, что вы страдаете бессонницей, и вам сегодня снился сон про лавку вашего отца. Про ключ под прилавком. Вы проснулись в холодном поту.

Купец побледнел.

– Откуда вы...

– Тише. Всё хорошо. Всё уже решено. Ваши руки – устали держать груз. Ваша воля – хочет отдыха. Просто отдайте. Всё, что у вас есть. А потом пойдёте домой. Спокойно.

Он говорил негромко, мягко, с паузами. Как будто пел колыбельную. Плотников стоял, не шелохнувшись, потом кивнул, снял перчатку, аккуратно подал портфель.

– Благодарю, – сказал человек в чёрном. – А теперь – вы ничего не помните. Это был плохой вечер. Он закончился. Вы идёте домой.

Купец развернулся, пошёл прочь, ровной походкой. Мимо извозчика, мимо скрипящих саней, мимо афиш на стене, где значилось: «Гипноз и человек будущего. Лекция профессора Абрамсона.»

Только через два часа, уже дома, сев за самовар, Плотников вдруг понял, что портфеля нет. И что в голове – пусто, как уши после взрыва.

Вызвали полицию. К утру дело лежало на столе в канцелярии Сыска, аккуратно подшитое, с краткой пометкой на обложке: «Особый случай. Без насилия. Предположительно – внушение. Назначить Климова».

Глава 1 – Добровольное ограбление

Пётр Ильич Климов стоял у окна, читал рапорт, не торопясь – не глазами, а спиной. Он всегда чувствовал дела кожей: если шевелится где-то между лопаток – значит, не просто бумага.

В кабинете было тихо. Печка шипела – с утра топили сыроугольём, дёшево. За окном Петербург сопел и кашлял в предрассветном сумраке. Внизу, под решётками Сыскного отделения, скребли копытами лошади – извозчики дремали прямо в тулупах, закутавшись с головой. Город не проснулся, но уже плевался сажей.

Климов разогнул край рапорта, вчитался в сухой текст: «...Плотников Яков Платонович, купец, 59 лет, сообщил, что 12 февраля около 20 часов 45 минут добровольно передал незнакомому мужчине портфель с наличностью (около 3200 руб.) и важными бумагами. Насилия или угроз – не применялось. Потерпевший утверждает, что сделал это „по собственной воле, будто по внезапному разумению“. Врач скорой помощи: кратковременное расстройство памяти. Подозреваемый: неизвестен. Деталь: запах лаванды.»

Запах лаванды. Климов выдохнул через нос.

– Ну и чёрт же ты такой, если вместо ножа – духи?

Он подошёл к столу, щёлкнул портсигаром, закурил. Дым пошёл плотный, резкий. Махорка всегда помогала уловить суть. Он привык к делам с грязью под ногтями, с кровью под обоями. А тут – ни взлома, ни угроз. Только вежливость и запах.

– Всё по собственной воле...

Это было не просто странно. Это было – новое. И Климов таких вещей не любил. Новое – значит, неуловимое.

В дверь постучали.

– Пётр Ильич? – голос молодой.

– Заходи, Кулаков.

Матвей Кулаков вошёл быстро, но осторожно – знал: если Климов молчит, значит, дело серьёзное.

– Плотников пришёл. Говорит, кое-что вспомнил. Вас просит.

– Пусть войдёт. И не забудь чай – горячий, без церемоний.

Яков Платонович Плотников держался прямо, но лицо было серым. Не страх – стыд. Шапку он сжимал обеими руками, пальцы дрожали.

– Присаживайтесь. Скажите, Яков Платоныч, как всё произошло – по шагам.

Купец сел, не снимая пальто. Глянул в окно, будто надеялся, что там другой день и другой Петербург.

– Я пообедал в «Скорпионе», на Литейном. Без спиртного. Только щи да чай. Вышел, хотел взять извозчика – и тут... он. Рядом. Не вышел, не подошёл. Как будто стоял всё время.

– Как выглядел?

– Пальто чёрное, шарф серый, шляпа надвинута. Высокий. Глаза... глаза – не то чтоб страшные... но будто в них – глубина, и ты в ней тонешь.

Климов кивнул, молча, записал: «Контакт – визуальный, первый удар – взгляд.»

– Что говорил?

– Сначала – «Вы устали. Вам пора отдохнуть.»

Потом – «Всё уже решено.»

А дальше... я не помню слов. Но помню, что мне стало... легче. Как будто груз сняли.

– И вы... отдали портфель?

Плотников сжал кулаки.

– Отдал. Спокойно. Без мысли. Как будто это и был смысл вечера.

– А запах?

– Сладкий, мягкий. Как лавандовый одеколон. Но глубже. Словно аптекой пахнуло, где ребёнком лежал.

Климов поднялся, прошёлся по комнате. Подошёл к графину – отпил тёплой воды. Не потому что хотел пить, а потому что в голове начало выстраиваться: «не грабитель – а инженер воли. не просит – позволяет. не берёт – внушает.»

Он подошёл ближе к Плотникову, сел напротив.

– Послушайте внимательно. Вы попали не к вору, не к шарлатану. Вы попали к специалисту. Тому, кто изучает человека, как садовник дерево. И срезает, когда плод созрел.

Купец сглотнул.

– Я не больной?

– Нет. Вы – человек. А он умеет этим пользоваться.

– И что теперь?

Климов повернулся к Кулакову:

– Матвей. Занеси в протокол: речь преступника – медицинская, уверенная. Воздействие – по ключевым образам из прошлого. Запах лаванды повторяется. Характер действия – внушение чез доверие.

Плотников шепнул, почти по-детски:

– А его можно поймать? Такого?

Климов усмехнулся.

– Поймать нетрудно. Сначала – надо его увидеть. Не глазами, а точкой, где он входит в человека.

Они вышли на улицу ближе к восьми утра. Небо стянуто свинцом, лёд под ногами хрустел, как старый пергамент. На стене лавки – свежая афиша, мокрая от тумана:

«Доктор Колпаков. Публичная лекция. Внушение как форма милосердия. Вход свободный.»

Климов посмотрел, подошёл. Сорвал листок одним движением.

– Милосердие, значит...

Он сложил афишу, убрал в карман.

– Ну что ж, доктор. Поиграем в врача.

Глава 2 – Тень на сознании

Снег в Петербурге таял медленно, как будто нехотя отпускал зиму. Под ногами было мокро, тяжело, пахло керосином, мылом и чем-то кислым. Свет сквозь небо не пробивался – ни день, ни вечер, а тягучая тень над улицами, как затяжной похмельный час после бала. Всё в городе будто застыло в ожидании чего-то нехорошего.

Пётр Ильич Климов стоял у окна архивного отделения с тонкой папкой в руке. Третья за утро. Дело аптекаря Гавриила Кунца.

«Сказал: „Пожертвуйте на дело добра“. Я дал. Потом он пожал мне руку. Тёплую. Спокойную. А потом – как будто я сам снял ключ с цепочки и вручил. Я даже поклонился.»

Запах? Лаванда. Тонкая. Знакомая. Фразы? Те же, что у купца Плотникова: «Вы устали. Всё уже решено.» Климов закрыл глаза, сосчитал до трёх. Третий раз одни и те же слова. Это уже не совпадение. Это структура. Он положил папку. Открыл следующую – портниха Феодосия Парамонова. «Он говорил, как будто знает меня. Не просто знает – как будто он был там, в Тамбове, когда мне было шесть. Где мама выбирала мне платье. Я заплакала – и сняла серьги. Прямо в руку ему отдала. Он кивнул, как будто это... как будто это была сделка.»

Климов пометил: «Образ из памяти → транс → действие. Структура повторяется. Средства: взгляд, голос, запах.» Он откинулся в кресле, поднял с пола свежий номер «Петербургского листка». На первой полосе – жирным:

ГИПНОТИЗЁР НА СЛУЖБЕ ТЬМЫ?

«По своей воле отдал драгоценности»: сыск гадаёт, город паникует

Ниже – карикатура: пузатый купец в цилиндре вручает кошелек монахоподобному гипнотизёру с глазами-блюдцами. В углу – подпись: «Следующий?» Климов нахмурился. Он не любил, когда писали раньше, чем нужно. А Кацман всегда писал – сразу.

Как по заказу, дверь скрипнула, и показалась его шляпа с пером.

– Пётр Ильич, – влетел Лев Исаакович, распахнув пальто, – ты видел? У нас фронт по городу!

– Ты видел себя в зеркале? У тебя стиль – как у бульварного гробовщика.

– Но читают! – Кацман вытянул газету. – Пишу – чтобы люди не сошли с ума от молчания сыскных.

– Успокойся, Лёва. Пока что у меня три «ничего» и один «непонятно».

– Слухи ползут быстрее, чем твои протоколы. Хочешь послушать, что шепчут на рынке?

Климов взглянул через него, как сквозь пар.

– Лучше скажи, кто тебе слил фамилию аптекаря. Я не разрешал.

– У меня чутё.

– У тебя язва. И если ещё раз сольёшь – я тебя «почую» сам. И глубоко.

Кацман криво улыбнулся, отступил на шаг.

– Ладно. Но если я найду его раньше тебя – не обижайся.

– Если найдёшь, ты уже не сможешь писать. Ни рукой, ни зубами.

В тот же день Климов вызвал пострадавших повторно. Среди них – она. Евгения Аркадьевна Грачёва вошла в приёмную, как будто на генеральную репетицию: ровная осанка, шаг без спешки, лицо строгое, но не высокомерное. Актриса – без сомнения, но не переигрывает.

– Следователь Климов?

– Садитесь, Евгения Аркадьевна. Хочу уточнить. Скажите – он действительно появился прямо в гримёрке?

– Да. Представился как доктор. Сказал, интересуется психологией актёров. Говорил спокойно, но... голос был такой, будто он тебя уже слышал.

А потом – предложил вспомнить сон. Прошное. Мать. Детство. И вдруг я... я сняла брошь. Старую. Мамино украшение. И отдала ему.

– Вы осознавали, что это – кража?

– Нет. Это было... будто я исполняю роль. Внутри. Не снаружи. Он не просил. Он позволил.

Климов записал: *«Умная. Опасно внушаема – через чувство ответственности.»

– Есть ли у вас хоть что-то от него? Бумага, имя, визитка?

Грачёва задумалась. Потом вытащила из сумочки плотный кусочек бумаги.

– Он оставил это. Сказал, что если я захочу «ещё поработать с воспоминаниями» – могу написать.

Климов взял визитку. На ней:

«Доктор А. К. Колпаков. Психолог. Частная практика. Таврическая улица, 28.»

– Спасибо. Это может стать ключом.

– Вы поймаете его? – спросила она.

– Постараюсь.

– А если он уже не человек? – сказала она тихо. – А система?

Климов не ответил. Только опустил визитку в конверт.

Вечером он вызвал Мезенцева. Старик сел, закутался в шарф, выслушал.

– Это не внушение. Это – перепрошивка воли. Человек не только делает – он хочет делать. Это, Пётр Ильич, уже не улица. Это уже разум.

– Можно защититься?

– Только тем, кто умеет сомневаться. Остальные – падают.

А наутро – новое дело. Студент-психолог. Отдал золотые часы на улице, потом записал в тетради: «Так надо было. Он прав.» У него в кармане – билет на вечернюю лекцию в Обществе Психической Гигиены. Лектор – доктор Колпаков. Климов встал у настенной карты. Четыре булавки: аптекарь, купец, актриса, студент. Они выстраивались в линию. Он знал: пятый будет. И скоро. Он также знал – каждый следующий будет проще. И если не найти источник, он скоро сам начнёт сомневаться, чего хочет – он или тот, кто смотрит через чужие глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.